

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДЬЯКОНОВА И.М., НЕРОНОВОЙ В.Д. ,
СВЕНЦИЦКОЙ И.С.

ТОМ 1

Общественный и государственный строй Северной Индии в первой половине I тысячелетия до н.э.

У древних индийцев было широко распространено предание «о четырех веках». Согласно этому преданию, в первом из веков, «Совершенном» (Крита), люди жили счастливо, не зная болезней, тяжелого труда, частной собственности и общественного неравенства; все были добродетельны, и потому не было наказаний и государства. В каждом из последующих веков — Трета, Двапара и Кали — добродетельность людей снижалась на одну четверть, и соответственно постепенно ухудшались условия жизни людей. Особенно плох четвертый век, Кали, в котором живем и мы; он называется «темным» и «грешным»; прежние добродетельные нормы и правила жизни постоянно нарушаются, так как люди преисполнились всяческих пороков. Они начали угнетать, обманывать и оскорблять друг друга. Удержать людей от взаимного потребления теперь может только царь и только посредством суровых наказаний: так возникает государство.

Это сказание является искаженным представлением действительного хода исторического процесса. В веке Крита можно усмотреть идеализированное описание первобытнообщинного строя, в веках Трета и Двапара — период возникновения имущественного и общественного неравенства, в веке Кали — период сложившегося классового общества и обострения социальных противоречий. Обращает на себя внимание явное сходство предания с древнегреческим мифом о золотом, серебряном, медном и железном веке, только символика металлов здесь отсутствует.

Ведическая литература содержит самые ранние письменные данные об общественном развитии гангских племен. Сохранялась еще память о времени, когда предки, объединенные в общины (ганы), вместе владели имуществом, совместно трудились во главе со своими вождями (ганapati), делили поровну плоды своего труда и как единое целое выступали перед богами. Но в наступившие времена все обстояло уже по-другому. Рядовой свободный индиец выглядит экономически вполне самостоятельным

хозяином. Одним из показателей этого было проведение жертвенного ритуала, в большинстве случаев для частных лиц, которые, следовательно, располагали достаточными средствами, чтобы нести соответствующие расходы, весьма значительные. Задолженность уже в ранний ведический период была таким злом, избавления от которого приходилось вымаливать у богов. Обрабатываемая земля находилась в частном владении и пользовании полноправных общинников; есть относительно поздние данные о дарении земли, но только царям; о купле-продаже земли сведений ещё нет.

Одновременно происходило общественное расслоение. В «Ведах» уже нашла свое отражение крайняя его форма — появление рабов и рабовладельцев. Даже в «Ригведе» упоминается до ста рабов, бывших в собственности у отдельного лица, а в более поздних памятниках указываются многие сотни и даже тысячи рабов. Конечно, надо делать скидку на поэтические преувеличения.

Древнеиндийский термин даса — «раб» означал первоначально «враг», «чужак», «варвар». Это позволяет предполагать, что первыми рабами были военнопленные, а также мирное население побежденных племен. Хотя предпосылки для возникновения рабства подготовлялись развитием неравенства внутри первобытной общины, однако долгое время члены общины были связаны традиционными родовыми узами, и эти предпосылки могли проявиться в наиболее последовательной форме только за счет чужаков. И только затем появляется порабощение соплеменников. В брахманах уже встречаются упоминания о продаже обедневшими свободными (даже высокородными) своих детей в рабство. Но основным источником рабства оставалась, по-видимому, война. Ничего не известно о работорговле. Все это, а также существование человеческих жертвоприношении позволяет предполагать, что общий уровень развития рабовладения был еще невысок. Очевидно, речь идет о патриархальном рабстве.

Разложение первобытнообщинного строя имело своим следствием не только появление рабства, но и возникновение социального неравенства среди свободных. В древней Индии это выразилось в делении общества на варны — сословия, имевшие жесткий, кастовый характер. Их насчитывалось четыре: брахманы — члены жреческих родов, кшатрии — воины, вайшьи — рядовые свободные общинники и шудры — неравноправные члены общества. Традиционным занятием первых было исполнение жреческих обязанностей, вторых — военное дело и управление, третьих — земледелие, скотоводство, торговля, ростовщичество и четвертых — услужение трем высшим. Принадлежность к варнам определялась рождением и наследовалась. Браки между членами различных варн в принципе не считались законными, особенно между мужчиной низшей и женщиной высшей варны.

Неравенство между варнами древние индийцы объясняли

естественным различием между людьми по степени их природного благородства. Высшими считались брахманы, затем шли кшатрии, затем вайшьи, и воплощением низменности душевных качеств объявлялись шудры. Соответственно объяснялось, что брахманы произошли из уст, кшатрии — из рук, вайшьи — из бедер и шудры — из ступней мифического первочеловека, принесенного богами в жертву. Позже сотворение варн приписывалось богу Брахме, создавшему их из тех же частей своего тела.

Наиболее заметной чертой древней системы варн было противопоставление трех высших четвертой, состоявшей из потомков чужаков, лишившихся земли, защиты и помощи сородичей и однообщинников, а также из подчиненных и неполноправных племен. Отличие шудр подчеркивалось тем, что они не проходили в детстве обряда посвящения (инициации), считавшегося равным второму рождению, почему члены трех высших варн и назывались «дваждырожденными». Тем самым шудры подвергались ряду ограничений в религиозном культе (запрещение читать и слушать чтение «Вед», участвовать в жертвоприношениях, поминках) и общественной жизни — они не могли занимать ответственные должности в правительственном аппарате, не имели права на землю и занимали подчиненное место в хозяйственной деятельности.

Сословное деление было присуще и другим древним обществам, но в древней Индии оно отличалось четкостью и прочностью. Это можно объяснить особенно острой в условиях этой страны заинтересованностью господствующего класса во внеэкономическом принуждении трудящихся. Индийская природа была богата естественными и относительно легко доступными продуктами питания (обилие дичи и рыбы, дикорастущих злаков, орехов, плодов, ягод и т.д.), а потребности в жилье и одежде в условиях индийского климата были минимальными. В этих условиях заставить одних работать на других можно было только внеэкономическими средствами. В отношении одних тружеников это достигалось прямым обращением в рабство; в отношении же тех, которые по разным причинам в рабство обращены не были, постепенно сложилась целая система социального и идеологического принуждения — сословно-кастовый строй. Кроме того, в условиях этнической пестроты, частых распадов одних государств и племенных союзов и образования других господствующие слои общества стремились к жесткости сословных делений, чтобы обеспечить необходимую для сохранения привилегий высших варн организационную структуру и поддержание классовой и сословной солидарности при всех возможных колебаниях в соотношении сил между племенами, границ между государствами и при прочих изменениях в политической сфере.

Органы государственной власти возникали постепенно, незаметно вырастали из племенных и общинных органов управления одновременно с обострением социальных противоречий. Тем не менее в народной памяти (как указывалось выше) сохранилось воспоминание о времени, когда такой

власти не было.

К середине I тысячелетия до н.э. государства в долине Ганга уже вполне оформились. Большинство их были монархическими; такие характерные для первобытнообщинного строя институты, как племенное собрание, общинная сходка, народный суд, потеряли в них свое прежнее значение или исчезли вовсе.

Царь (раджа) был верховным распорядителем государственного имущества, и в первую очередь земли, командовал войском, возглавлял управление и считался главным защитником дхармы (правил добродетельной жизни). Власть царя была наследственной, хотя иногда требовалось формальное утверждение его кандидатуры народным собранием — как пережиток времени, когда раджа был вождем племени или клана. Соответственно роли, которую играл царь, его личность всячески возвеличивалась, коронация развилась в пышный обряд, имевший сакральный характер.

В республиках, называвшихся гана или сангха, как и древние общины, пережитки племенной демократии держались прочнее.

Государственный аппарат был еще несложен, но некоторые постоянные должности уже определились: придворный жрец, военачальник, казначей, сборщик налогов; в «Ригведе» упоминается даже шпионская служба. Самым древним из известных налогов был бали; первоначально он был, вероятно, добровольным взносом общинников на содержание племенного вождя и поддержание племенного культа, но мы знаем его уже как обязательный налог, равными $1/6$ урожая.

Государства в то время были небольшими, а политическая карта сложной и постоянно менялась. Лишь к середине I тысячелетия до н.э. начался процесс поглощения мелких государств несколькими более сильными. Племена часто меняли места поселения, захватывали чужую землю или теряли свою; одни из них гибли или рассеивались, другие побеждали и росли за счет более слабых племен или их осколков. Государства возникали и распадались, менялись их названия, территории и царствующие династии, так что связной политической истории ведического периода написать пока невозможно.

Наиболее важными государствами, по-видимому, были Кошала (в нынешнем штате Уттар-Прадеш) и Магадха (в нынешнем штате Бихар).

Сами эти государства и некоторые из их царей известны не из надписей и не из документов, а из разрозненных упоминаний в религиозной литературе; но так как указания на них содержатся в весьма разнородных источниках, например в джайнистских, буддийских и брахманистских, и эти указания в целом не противоречивы, то можно предполагать, что какая-то более или менее достоверная историческая традиция в этой части Индии все же была.

Ещё большей политической и социальной нестабильностью отличалась

Индская область, так как она в гораздо большей мере была подвержена внешним опасностям. Что касается Южной Индии, то имеющиеся о ней данные пока не позволяют давать даже такие общие оценки.

Ведическая религия и культура

Религия племен долины Ганга все ещё сохраняла близость с религией древних иранцев. Общим были присущи культ огня, культ предков, использование при важнейших обрядах особым образом приготовленного напитка — сомы (у иранцев называвшегося хаома). Можно обнаружить много примеров сходства в терминологии и соответствий в пантеоне и мифологических персонажах.

Как и другие народы древности, индийцы верили, что жизнь природы и общества идет в соответствии с предписаниями богов (дэвов) — существ, подобных людям, но обладающих сверхъестественным могуществом. Из них главными были три: Индра — бог-громовержец и воитель, раджа среди богов; Агни — бог огня, хранитель дома, посредник между людьми и богами; Сурья — бог Солнца, враг мрака и холода. Женские божества в религии «Вед» уже потеряли значение. Кроме дэвов признавали и другой род сверхъестественных существ — асуров, но принадлежавшие к ним божества, например бог неба Варуна, бог света и договоров Митра, играли меньшую роль, были как бы дальше от человечества.

Поскольку считалось, что мир существует и люди преуспевают только благодаря богам, а боги живут жертвоприношениями, главным для верующих было принесение им жертв. В угоду им закалывались животные, в костер бросали хлебные зерна, лили топленое масло, молоко, а также сому; бог Луны Сома считался одновременно божеством этого напитка, дающего богам неограниченное долголетие и могущество. Некоторые обряды отличались сложностью и дороговизной; для их совершения и произнесения соответствующих текстов и формул требовались люди специально подготовленные. Значение варны брахманов основывалось главным образом на их роли в культе, на обладании ими «священным знанием» (ведой). Расходы на совершение обряда нес тот, в пользу которого он исполнялся, а расходы на государственный культ — царь. Ни храмовых хозяйств, ни самих храмов как постоянных мест богослужения в ведической религии не было.

По представлениям древних индийцев, сохраняющимся и в современном индуизме, тело смертно, а душа вечна, после смерти тела она переселяется в другое тело, а в какое именно — зависит от поведения человека в прошлой жизни; поэтому само понятие «действие» (карма) означает не только поведение, но и воздаяние, с которым оно неизбежно составляет единство. Душа добродетельного возрождается среди более

высоких существ, греховного — среди низших. Социальный смысл учения о карме заключается в том, что угнетенное положение труженика объясняется воздаянием за его «греховное» поведение в предшествующей жизни, он сам виноват во всем. Привилегированное же положение знатных и богатых — просто вознаграждение им за их добродетельность в прошлой жизни. Что такое грех и добродетель — определялось господствующей идеологией, которая объявлялась данной богами. Учение о карме как средство идеологического воздействия на народ оказалось для господствующего класса столь удобным, что стало основой морально-этического учения во всех индийских религиях и сохраняет свое положение вплоть до настоящего времени.

В рассматриваемый период появляются зародыши научного изучения действительности, но характерно, что появляются они все же в дисциплинах, предназначенных для изучения «Вед», — фонетике, грамматике, этимологии, астрономии: мышление оставалось прежде всего религиозным. Однако немалы были достижения и в математике: так, индийцы задолго до греков (но, по-видимому, позже вавилонян) знали теорему, носящую имя Пифагора. Известно о существовании профессиональных врачей, умевших определять и лечить более сотни различных болезней и знавших лечебный эффект многих природных веществ.

Храмов и сложных погребальных памятников древние индийцы не возводили, хотя обряды были и сложными и дорогими. Образ жизни даже знати был еще простым, города немногим отличались от деревень. Дворцов не было, и достижения индийцев в искусствах можно считать скромными.

От ведического периода до нас дошла в основном религиозная словесность. Жанры её разнообразны: гимны богам, восхваления жрецами щедрых дарителей, жертвенные формулы, заклинания, описания ритуалов, религиозно-мистические сочинения. Иногда тексты отличаются красочностью и богатством художественных средств. В рассматриваемый период «Веды» еще не были записаны, а передавались от учителя к ученику изустно, и до сих пор не обнаружено ни письменной литературы, ни самой письменности ведического периода. Древнеиндское письмо вымерло вместе с культурой Мохенджо-Даро и Хараппы, а первые памятники индоарийских слоговых видов письменности, которые, по-видимому, не связаны с древнеиндской, дошли лишь от IV—III вв. до н.э. Тем не менее представляется вероятным, что первая индоарийская письменность сложилась ранее — вероятно, не позже первой четверти I тысячелетия до н.э.

ТОМ 3

Экономика и общественные отношения

Дальнейшее накопление научных знаний и практического опыта, длительные периоды политической стабильности, укрепление внутренних и внешних торговых связей способствовали расцвету экономики. В земледелии это выразилось в интенсификации производства и широком распространении таких сложных для выращивания культур, как рис, сахарный тростник, хлопок, пряности. Расширилось применение искусственного орошения, хотя оно по-прежнему не играло ведущей роли, поскольку Индия, за исключением северо-запада, обеспечена атмосферными осадками удовлетворительно или даже хорошо.

Ремесленная продукция становится известной далеко за пределами страны. Высоким мастерством обладали металлурги. Строители сооружали многоэтажные жилые дома, монастыри на сотни монахов. Имеется немало данных о мастерстве индийских ремесленников в ткачестве, изделиях из терракоты, резьбе по дереву и кости, парфюмерии и косметике. Особенно заметны качественные успехи в производстве предметов роскоши и религиозного культа.

Характер работы в рудниках, на строительстве крупных жилых и культовых зданий, строительстве крупных речных и морских судов или при изготовлении Делийской железной колонны весом 6,2 т и многотонных статуй требовал кооперирования большого числа работников в устойчивых производственных коллективах. Крупные мастерские были и в других отраслях, но производство было все же преимущественно мелким; чаще всего трудились сам хозяин с членами семьи и учениками.

Важным явлением рассматриваемого периода было резкое улучшение морского транспорта. Корабли, которые строили индийцы, способны были совершать путешествия с сотнями пассажиров и грузами в Египет, страны Юго-Восточной Азии, Китай. Учитывая, что условия навигации в Индийском океане значительно сложнее, чем в Средиземном море, следует признать, что в мореходном искусстве индийцы не уступали даже финикийцам и грекам.

Это обстоятельство наряду с общим ростом товарности производства способствовало заметному расширению внешней торговли. Ранее ее вели со Средней Азией и Парфией, а через них со странами Средиземноморья и Китаем, в основном сушей, через города Таксилу, Пурушапуру и долину р. Кабул. Теперь же с улучшением морских транспортных средств и открытием периодичности муссонных ветров большое значение приобрело плавание прямо через океан. Основными предметами вывоза были пряности, благовония и лекарства, лаки, красители, рис, сахар, хлопок, драгоценные и полудрагоценные камни, ткани, железо и изделия из него, рабы. Ввозились

драгоценные и цветные металлы, лошади, вино, гончарные и стеклянные изделия, рабы. Баланс внешней торговли (особенно с Римской империей) был для Индии активным: в Индии найдено множество античных монет, тогда как в странах Средиземноморья древнеиндийских не обнаружено вовсе.

Монетное обращение было обильным и разнообразным. Впервые золотые монеты появляются еще при Кушанах. В чеканке монет индийцы во многом следовали эллинистическим образцам; под их влиянием местные монеты приняли круглую форму, на них стали изображать царей, богов или их символы, наносить надписи.

В V—VI вв. наблюдается экономический спад. Резко уменьшается количество монет всех видов; даже серебряные встречаются редко, золотые же исчезают вовсе. Заметен явный упадок городов; так говорят очевидцы, подтверждается это и данными археологии. Все это вело к замедлению развития науки, литературы, искусств, отчетливо проявившемуся в раннее средневековье. Многие можно отнести за счет вторжения «белых» гуннов-эфталитов, однако последствия этого нашествия не могли сказываться в течение нескольких веков, тем более что, например, Южную Индию оно совсем не затронуло. Натурализация экономики была следствием общих исторических причин.

На протяжении всего периода поздней древности (I—V вв.) происходили важные изменения в общественно-экономических отношениях. Это касается прежде всего рабства и земельных отношений.

Во всех странах древности в период расцвета рабовладельческих отношений проблема рабства не занимала заметного места в общественной мысли. Рабство считалось естественным институтом, право господина на личность раба было безусловным и неограниченным. В период поздней древности в обществе обостряется интерес к институту рабства, его роли, значению и т. д. В законоведческой литературе Индии все чаще появляются предписания об ограничении произвола рабовладельцев. Делаются также попытки ограничить обращение в рабство свободных; так, только млечхам (варварам) не возбранялось продавать в рабство родственников, для членов же четырех варн такое деяние стало рассматриваться как наказуемое. Провозглашается как общий принцип, что член низшей варны не может иметь рабом члена высшей.

Знаменательно также, что если раньше отпуск раба на свободу был только проявлением доброй воли господина, то теперь и здесь государство пытается установить определенный порядок. За основной критерий берутся обстоятельства порабощения. Считалось, что в отношении урожденного арья, а также продавшего себя (он считался самым презренным из рабов) хозяин может поступать по своему произволу; но остальных рабов он обязан был отпускать при соблюдении определенных условий — уплаты выкупа, уплаты долгов с процентами и др. Интерес к этому вопросу, несомненно, был вызван увеличением числа отпусков рабов на волю — явного признака начавшегося

кризиса рабовладельческих отношений.

Однако изменения в общественных отношениях выражались не только в упадке прежних форм, но и в возникновении новых. Главным при этом было превращение свободных общинников в класс феодально-зависимых крестьян.

Практика пожалования деревень крупным государственным служащим существовала издавна. В условиях слабой развитости денежных отношений это было естественной формой вознаграждения за службу. Пожалованный отчуждал в свою пользу те налоговые поступления с деревни, на которые имело право государство, и это продолжалось до тех пор, пока он занимал соответствующую должность. Ни количество земли, ни число сельских жителей при этом никогда не упоминается. Никаких новых отношений собственности при этом не возникало, так же как и отношений личной зависимости. Другим видом пожалования было вечное и не связанное с несением службы; получателями его были выдающиеся своей ученостью брахманы, храмы и монастыри.

В рассматриваемый период мы обнаруживаем по дарственным грамотам, что дарения производились уже не только государством, но и частными лицами, причем дарились не только участки земли, но и те деревни, которые дарители сами когда-то получили в качестве пожалования; следовательно, они приобретают право распоряжаться ими. В дарственных грамотах начинает все чаще упоминаться освобождение от налогов, постоя, обязанности обслуживания царских курьеров. Несколько позже пожалования приобретают вид освобождения от обязательного исполнения трудовой повинности или закрепления права на разработку полезных ископаемых, на возможно обнаруженные сокровища и клады. Дарения иммунитетных прав в конце концов ставили крестьян в зависимость от получателя дарения. В дарственных грамотах начинают встречаться требования к крестьянам оказывать должное повиновение получателю дарения и призывы к последнему быть справедливым по отношению к крестьянам. Таким образом, появляются зачатки и политической власти крупных землевладельцев над территорией и ее населением.

Отмеченные выше новые явления можно с уверенностью считать показателями развивающихся феодальных отношений. Явственно прослеживается возникновение феодальной земельной собственности и превращение прежде свободных общинников в феодально-зависимое крестьянство. Но были и другие пути феодализации, сливавшиеся в общем потоке. Так, в тех областях, где особенно сильными оставались пережитки первобытнообщинного строя (например, в Южной Индии), племенная знать превращалась в феодальную, расхищая племенной земельный фонд, ставя в зависимость от себя основную массу соплеменников, с использованием родовых связей подчинения. Одновременно во многих случаях происходила феодализация и самой общины. Общинная верхушка захватывала в свои руки

органы управления, распоряжение земельным фондом; скупкой и изъятием за долги она сосредоточивала у себя большую часть пахотной земли, превращая основную массу общинников в неполноправных крестьян.

В рассматриваемый период еще больше увеличился разрыв между положением варн в действительности и тем, как оно описывалось в брахманской законоведческой литературе. Основным элементом в сословно-кастовой системе постепенно становятся касты-джати по некоторым признакам (замкнутость, наследственность, традиционность основных занятий, эндогамность) сходные с варнами, но и обладающие существенными отличиями.

В отдельности каждая джати (буквально «происхождение», т. е. объединение людей, принадлежность к которому определяется происхождением) не была общеиндийской, а охватывала относительно небольшую группу лиц, населявших ограниченный район. Это были люди, занятые в одной сфере хозяйственной деятельности, связанные общностью экономических и общественных интересов. Джати отличались от варн также наличием органов управления, системы взаимопомощи, общей кассы, пополняемой отчислениями членов джати, существованием многочисленных правил общения между членами джати (совместное проведение религиозных празднеств, участие в семейных торжествах и обрядах).

Джати, по-видимому, начали возникать в городах из союзов ремесленников и торговцев, неизбежно приобретающих характер замкнутых общин. Стали объединяться в джати музыканты, актеры, писцы. Затем элементы кастовой организации проникают и в деревню. Касты-джати возникли в основном в пределах варн вайшьев и шудр, но некоторые оказались вне системы варн и считались «неприкасаемыми», так как даже только прикосновение к членам такой касты оскверняло членов четырех варн (даже шудр) и требовало очистительных действий. неприкасаемость для некоторых категорий тружеников становилась пожизненной и даже наследственной.

Возникновение понятия «неприкасаемости» связано с примитивными магическими представлениями о табу и ритуальной нечистоте. С возникновением общественного неравенства представление о неприкасаемости стало часто использоваться верхушкой общества в своих интересах. Способными повлечь за собой нечистоту были объявлены некоторые преступления (например, убийство брахмана), нарушения сословно-кастовых предписаний, особенно касавшихся привилегий высших варн, а также занятие некоторыми профессиями — мясников, кожевников, мусорщиков, похоронной прислуги, палачей и пр. Некоторые отсталые племена, включавшиеся в жизнь классового общества, становились в нем неприкасаемыми, если вынуждены были по-прежнему заниматься охотой, рыболовством, лесными промыслами.

Уделом неприкасаемых было не только занятие самыми

низкооплачиваемыми и презираемыми работами, но и полная незащищенность перед законом. Они не были рабами, так как не были чьей-либо собственностью. Вместе с тем зависимость этих бесправных и постоянно унижаемых париев общества может считаться формой частичной рабской зависимости.